

Шедший рядом Цинь Му и не подозревал, какие мысли одолевают его спутника. Его собственный разум разрывался от сомнений.

Ведь в прошлой жизни, до перерождения, Пэй Цюэ относился к нему совсем неплохо. Тайком помогал направлять духовные силы, давал советы в созерцании и тренировках.

Признаться, Цинь Му даже обрадовался, вновь увидев его.

Но на душе всё равно скребли кошки. Горький пример Фэн Аня заставил его панически бояться тех, кто когда-то оказывал ему доброту. Он невольно ждал, что Пэй Цюэ окажется таким же предателем и в итоге вонзит ему нож в спину.

Пусть даже это были всего лишь ничем не подкреплённые подозрения.

Цинь Му размышлял на ходу:

«Если Пэй Цюэ и учителю Ло действительно суждено сойтись, то даже если я сейчас вмешаюсь, судьба всё равно сведёт их позже, верно?»

Сам того не замечая, он поднял глаза на Ло Чжу. Спустя мгновение, словно опомнившись, он обернулся туда, где остался Пэй Цюэ.

Тот замер на месте, провожая их тяжёлым взглядом. Цинь Му передёрнуло. Он невольно ускорил шаг, но вскоре опять остановился и боязливо оглянулся. Какое-то смутное, липкое предчувствие подсказывало: здесь что-то не так.

Заметив его замешательство, Ло Чжу тоже притормозил. Он уже собирался спросить, в чём дело, как вдруг из-за их спин раздался голос:

— Что вы здесь делаете?

Оба замерли как вкопанные.

Цинь Му порывисто обернулся. Перед ним стояла точная копия его наставника в светло-голубом одеянии. Сжавшись под этим взглядом, он виновато захлопал глазами:

— Учитель, я...

Но фигура в голубом даже не дослушала. Скользнув мимо, мужчина направился напрямик к Пэй Цюэ.

Цинь Му растерянно застыл и невольно прошептал:

— Учитель...

Настоящий Ло Чжу, стоявший рядом, тоже слегка опешил. Он скосил глаза на Цинь Му.

Чёрный котёнок не отрывал взгляда от удаляющегося силуэта в голубом. Его когти впивались в рыхлую землю, а хвост раздражённо ходил из стороны в сторону. Зверь не выражал эмоций, но Ло Чжу отчётливо уловил исходившую от него обиду.

— Что стряслось? — негромко спросил Ло Чжу.

— Ничего... — буркнул Цинь Му, но тут же, не выдержав, добавил: — Скажи... как думаешь, мой учитель возьмёт себе ещё одного ученика?

Ло Чжу удивлённо приподнял бровь и бросил без колебаний:

— Ему что, мало головной боли с вами? — но тут же, сообразив, к чему клонит малец, уточнил: — Полагаешь, этот Пэй Цюэ станет твоим соучеником?

— Не знаю... — сник Цинь Му. Ему показалось, что проигнорировавший его наставник вдруг стал бесконечно далёким — совсем не таким, как в последние дни. Хотя, положи руку на сердце, они и раньше не отличались душевной близостью.

Он с тоской смотрел вслед удаляющейся паре, отчаянно желая подойти поближе и подслушать их разговор, но какая-то упрямая гордость удерживала его на месте. Он не понимал, что это за чувство. Долго ломал голову и наконец нашёл лишь одно подходящее слово — «зависть».

Учитель никогда его не любил. Взор наставника всегда был устремлён на кого-то другого. И лишь оказавшись в этом крошечном зверином теле, Цинь Му на какую-то жалкую пару дней сумел выстроить иллюзию чужого тепла. Он не мог обладать этим на самом деле, оттого в груди и разгоралась зависть.

Цинь Му жалобно, тихо заскулил, готовый сквозь землю провалиться от стыда за собственные мысли.

— Ты уже забыл мои слова? — вдруг холодно раздался над ухом голос Ло Чжу.

Вздрогнув, Цинь Му очнулся от своих терзаний и испуганно уставился на него:

— Что?

— Иллюзорное царство никуда не делось. — С того момента, как Ло Чжу увидел собственного двойника, он окончательно убедился: они заперты в фантомной реальности, рождённой разумом Цинь Му. И Ло Чжу никак не ожидал, что главным наваждением и тайной слабостью этого мальчишки окажется именно он, его наставник.

Ло Чжу прищурился. Странное, щемящее чувство скользнуло в его груди, но он поспешил развеять морок:

— Обычный смертный не смог бы пробраться в это иллюзорное царство. Как он уцелел, рухнув с небес без единой царапины? И почему, сколько бы мы ни шли, стоит обернуться — он всё так же стоит позади? Цинь Му, открой глаза. Ты спишь наяву. Не позволяй обману увлечь тебя за собой.

Тот растерянно захлопал глазами, пытаясь осознать услышанное:

— Обман?.. Иллюзорное царство?

— Разумеется, — Ло Чжу не собирался ходить вокруг да около и ударил прямо в цель: — Твоё главное наваждение — это твой учитель, не так ли?

Сердце Цинь Му пропустило удар, а мягкая чёрная шёрстка мгновенно встала дыбом от ушей до кончика хвоста:

— Вовсе нет!

Он поспешно отвернулся, с утроенной силой принимаясь рыть когтями многострадальную землю:

— Я вообще... понятия не имею ни о каких наваждениях!

В глазах Ло Чжу блеснула задорная искра.

— Коль так, почему бы тебе самому не разрушить это иллюзорное царство?

Цинь Му недоуменно поднял на него взгляд:

— Но как?

— Это ведомо лишь тебе одному, — вкрадчиво предложил Ло Чжу. — Давай подойдём поближе и послушаем, о чём они беседуют?

— Но... разве так можно? — Цинь Му робко покосился на фигуру в светло-голубом халате и замаялся. — К тому же... уважаемый старший, вы ведь сохраните это в тайне?

Ему казалось, что у него горят даже кончики ушей. Стыд и неловкость переполняли его. Под лапами уже красовалась приличная ямка, в которую ему сейчас больше всего на свете хотелось закопаться целиком. Он смертельно боялся, что, когда они выберутся наружу, эта вредная птица разболтает всё учителю Ло. Тогда он точно сгорит со стыда.

В глазах Ло Чжу вспыхнули лукавые смешинки.

— Хорошо, — весело пообещал он. — Я никому не скажу.

Цинь Му с надеждой встрепенулся:

— Правда? Вы не выдадите меня учителю?

Ло Чжу лишь согласно хмыкнул, переводя взгляд на фантомы. Ему самому до безумия хотелось узнать, какую тайну скрывает это маленькое пушистое существо. О чём же на самом деле говорили те двое в его воспоминаниях?

Получив обещание, Цинь Му поспешил к фантомным фигурам. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как до ушей долетел грозный, раскатистый голос его иллюзорного наставника:

— Говори, что ты натворил за моей спиной?!

Пэй Цюэ, казалось, вот-вот взорвётся слезами. Он со страхом и благоговением смотрел на разгневанного наставника и лепетал:

— Учитель, умоляю, послушайте... Я вовсе не хотел скрывать это от вас! Но... но он сам умолял меня о помощи. Мне стало жаль его, вот я и... Вы правы, учитель, это моя вина. Клянусь, подобного больше не повторится!

В глазах призрачного Ло Чжу полыхала ярость. Цинь Му никогда в жизни не видел своего холодного наставника в таком бешенстве. Он попытался покопаться в памяти, но так и не смог вспомнить, когда именно это произошло.

«Постой...»

Цинь Му нахмурился.

В последние дни из-за предательства Фэн Аня он то залечивал раны, то терзался страхом, что Ло Чжу раскроет его личность. Ему было просто некогда навести порядок в собственных воспоминаниях. И лишь теперь он осознал, что в его памяти зияет огромная пустота.

Растерянный, он вновь уставился на разворачивающуюся перед ним сцену.

— Надеюсь, ты запомнишь этот урок, — ледяной тон иллюзорного Ло Чжу в точности копировал манеру настоящего. — Если я узнаю о подобном ещё хоть раз... пеняй на себя. Изгону без жалости.

Пэй Цюэ вздрогнул, его дыхание перехватило. На мгновение показалось, что он хочет возразить, но в последний миг парень смиренно склонил голову:

— Да, учитель. Его тренировки зашли слишком далеко и стали смертельно опасны. Ради его же блага мне и впрямь не следовало потакать ему.

С этими словами Пэй Цюэ протянул призрачному Ло Чжу небольшой мешочек:

— Учитель, вот осколки пилюль, которые он мне отдал. Возвращаю их вам.

Тот принял подношение, но лицо его оставалось суровым. Едва заметным движением пальцев Ло Чжу обратил весь мешочек с осколками в тончайшую серую пыль.

Цинь Му инстинктивно бросился вперёд, пытаясь перехватить уплывающее сокровище. Но лапа лишь рассекла пустоту — иллюзия растаяла без следа, осыпавшись пеплом.

И в то же мгновение вокруг вновь сомкнулась непроглядная мгла. Тяжёлая, душная, она со всех сторон обступила его, превращаясь в глухую темницу.

Настоящий Ло Чжу помрачнел. Он протянул руку, желая подхватить чёрного котёнка, но фигура того смазалась и бесследно растворилась во тьме.

Ло Чжу похолодел. В этот миг его терпение лопнуло.

«А-Му, это осколки пилюль, учитель просил передать их тебе».

«А-Му, я вижу, как ты усердно тренируешься. Возникли трудности?»

«А-Му, ты всё схватываешь на лету. Жаль только, врождённый талант слабоват... Впрочем, не беда! Усердие и труд всё перетрут, у тебя непременно всё получится!»

«А-Му, в последнее время ты заметно преуспел в созерцании. Хвалю».

«А-Му... Учитель велел мне прекратить наши занятия. И забрал все оставшиеся осколки пилюль обратно... Прости меня, А-Му».

«А-Му, мне так больно видеть твои мучения. Слушай, у меня осталась пилюля огненного духа, которую мне недавно пожаловал учитель. Возьми её для тренировок».

«Ну что ты, какие между нами могут быть счёты? Просто вернёшь, когда продвинешься в совершенствовании».

«С твоим телом укротить стихию огня будет непросто, но не волнуйся, я помогу тебе, и всё пройдёт гладко».

«А-Му... А-Му?! О небо, у тебя искажение ци!..»

«Эх, опять неудача. Что ж, придётся искать кого-то другого».

«...»

\*\*\*

Разум Цинь Му содрогнулся. Медленно открыв глаза, он уставился в пустоту невидящим, растерянным взглядом.

Теперь он вспомнил. Вспомнил, почему при одном лишь виде Пэй Цюэ его душу охватывало непреодолимое отторжение. Его искажение ци не было трагической случайностью. Его подтолкнули к этому намеренно.

И этим кукловодом был Пэй Цюэ.

Он ненавидел Пэй Цюэ. Но Ло Чжу он ненавидел ничуть не меньше. Да и вообще — он презирал весь этот проклятый мир.

Ненавидел себя за убогий талант. Ненавидел Павильон Десяти Тысяч Небожителей, лишивший его уровня совершенствования и вырвавший кость Дао. Ненавидел Пэй Цюэ, сделавшего его подопытной крысой и обрёкшего на искажение ци. И больше всего он ненавидел Ло Чжу — за то, что тот за все эти годы ни разу не удостоил его даже мимолётным взглядом.

Сердце Цинь Му затапливала липкая, холодная тьма. В его глазах вспыхнули зловещие багровые искры. Бессильная ярость выжигала грудь, грозя разорвать на части, а бездна

настойчиво влекла за собой, призывая сдаться и кануть в забвение. Его внутренний демон, почуяв волю, расправлял крылья, жадно питаясь обидой и становясь неиссякаемым источником силы для этого иллюзорного царства.

Но не успело безумие поглотить его без остатка, как тишину нарушил сухой, резкий треск. Далеко во мгле змеилась тонкая светящаяся полоса. В мгновение ока она разветвилась надвое, затем на четыре, на шестнадцать, множась в геометрической прогрессии. Сияющая паутина трещин стремительно оплетала бескрайний мрак, подбираясь прямо к лапам застывшего Цинь Му.

Повинуясь глухому инстинкту, зверёк замахнулся и ударил лапой по ближайшему разлому. Оглушительный звон расколотого стекла эхом прокатился вокруг, и тьма разлетелась на мириады мелких осколков.

Цинь Му опешил. Ослепительный дневной свет хлынул из прорехи, резанув по глазам. Зашипев от резкой боли, он распластался на земле, закрывая мордочку лапами.

— Поднимайся, — раздался спокойный голос Ло Чжу. — Всё, что тебе ненавистно, нужно просто сокрушать без тени сомнения.

У Цинь Му перехватило дыхание, когти судорожно впились в землю.

— Всё, что ты сейчас видел — лишь морок фантомной реальности, порождённый твоим собственным разумом, — бесстрастно продолжал Ло Чжу. — Не найди ты в себе силы очнуться, твои же демоны поглотили бы тебя без остатка.

Котёнок лишь глухо всхлипнул и теснее прижался к земле, упорно отказываясь смотреть на своего собеседника.

Внутри у Ло Чжу шевельнулось раздражение.

— Встань и посмотри на меня, — потребовал он.

Но обычно послушный зверёк даже не пошевелился. Лишь его крошечное тельце мелко, беззащитно подрагивало.

Ло Чжу нахмурился, присел и, ухватив упрямца за загривок, без церемоний поднял в воздух. И в то же мгновение несчастный, измученный малыш истошно заголосил на всю округу. Его янтарные глаза были полны горячих слёз. Захлёбываясь плачем, он зажмурился и плотно прижал уши к затылку, силясь спрятаться от всего мира.

Ло Чжу растерялся и невольно ослабил хватку. Пользуясь моментом, пушистый комоч стрелой скользнул к нему на грудь, уткнулся мокрым носом в складки халата и намертво вцепился

когтями в его рукав, словно боясь, что его сейчас швырнут обратно в бездну.

«Надо же...»

Сердце Ло Чжу дрогнуло от щемящей нежности. Ему внезапно до боли стало жаль этого глупого котёнка. Было бы и вовсе чудесно, если бы этот паршивец сквозь рыдания не поносил его на чём свет стоит.

Понадобилось немало времени, чтобы надрывный плач маленького хищника наконец перешёл в тихое, прерывистое сопение.

Свернувшись дрожащим комочком в тёплых руках Ло Чжу, он безучастно смотрел перед собой, изредка судорожно вздыхая. Ло Чжу покрепче прижал его к себе и не спеша зашагал вглубь рассеивающегося иллюзорного царства.

<http://bllate.org/book/18174/1758891>